



Предисловие

В 1975 году я поступила на отделение структурной и прикладной лингвистики филфака МГУ. Там все было не так, как вокруг, — и в узком смысле, в отличие от филологического факультета, и в широком, в отличие от общепринятых способов говорить и думать. Математика, а не литература и история, дружеские связи не с однокурсниками по факультету, а со старше- и младшекурсниками этого же отделения, общение с преподавателями не только на занятиях, но и в походах. Своя абсолютно узнаваемая манера речи: «в силу ложности посылки», «не вижу однозначного соответствия», «неверифицируемое высказывание», «ровно так». И свой пантеон — набор имен и историй создания нашей науки, связанных с этими именами.

Пантеон включал как тех, кого мы регулярно видели на лекциях или спецкурсах, например Зализняка и Успенского (Владимир Андреевич Успенский за глаза назывался просто Успенским, в отличие от своего брата, которого звали Борис Андреевичем), так и тех, о ком ходили только рассказы. Рассказы становились своего рода тайным знанием о былых временах, открывающимся только по-

священным, действующие в них лица — мифическими героями или злодеями.

Все годы обучения сопровождались восторженными страшилками об уже выгнанном преподавателе математики Шихановиче, который был чистый Цербер, но уж кто ему математику сдал, тот всем молодцам молодец. И шепотом — как его посадили и засунули в психушку и как кто из старших пострадал за то, что его защищал. Ходили истории и о том, как и кого из героев нашего пантеона выгнали с работы, запретили не только публиковать, но даже ссылаться на них в текстах.

В 1976 или 1977 году я в каком-то безумном порыве собрала несколько однокурсников и отправилась с ними домой к практически культовому лингвисту Игорю Мельчуку, уезжавшему из страны, — попрощаться и сказать, как нам ужасно грустно. Я не то чтобы была с ним тогда знакома — видела несколько раз в походах, — но он меня точно не помнил и дальше прихожей нас, конечно, не пустил.

Как в любом корпусе легенд, в нашем пантеоне были прорехи и преувеличения. Но он неизменно вызывал восхищение и грустное ощущение, что ты опоздала родиться, пришла к шапочному разбору.

Прошло много времени, я выросла и даже подружилась с некоторыми героями из тех, кто не уехал, познакомилась и с некоторыми из уехавших, когда стали пускать сюда из-за границы. Но кого-то так никогда и не увидела.

Что же это были за люди, как они создавали новую науку — структурную лингвистику — и как и почему был разрушен созданный ими мир? Что конкретно, как говорится, происходило?

Я взялась за эту книжку, потому что поняла, что скоро совсем некого будет об этом расспросить. Героев и свидетелей с каждым годом становится все меньше. С тремя

десятками людей я поговорила, готовясь к ней. С некоторыми, увы, так и не успела — и уже не поговорить. От кого-то остались записи наших разговоров того времени, когда я писала о Зализняке*.

Кто-то отказался разговаривать. Таких было немного, но они были — и мне очень жаль. Иные без объяснений (или ссылаясь на плохую память), другие же, как известнейшая польско-австралийская лингвистка Анна Вежбицкая, написав дружеское подробное письмо о том, почему совсем не удастся выкроить время, чтобы вновь погрузиться в ту эпоху.

Книгу эту я плела, как гобелен, из рассказов моих собеседников. А также из воспоминаний или интервью, опубликованных на сайтах и в фештшрифтах, отраслевых сборниках и прочих не самых популярных местах, которые можно найти, только если специально их ищешь и знаешь, что где искать. Я нанизывала их слова на каркас известных мне фактов, переплетала разговоры между собой так, что мои собеседники как будто беседовали друг с другом, соглашались, полемизировали, вспоминали одно и то же по-разному. Эта перекличка голосов обеспечила, как мне кажется, ту степень объективности, на которую в принципе можно надеяться. А заодно и высветила героев. Ведь ничто так не характеризует человека, как его собственная речь.

* Бунас М. Истина существует. Жизнь Андрея Зализняка в рассказах ее участников. М.: Индивидуум, 2019. — *Здесь и далее примеч. авт. (если не указано иное).*

Собеседники

Владимир Михайлович Алпатов — лингвист, доктор филологических наук, академик РАН. Выпускник Отделения структурной и прикладной лингвистики (1968).

Юрий Дереникович Апресян — лингвист, доктор филологических наук, профессор, академик РАН.

Александр Николаевич Барулин (17.11.1944–23.07.2021) — лингвист, кандидат филологических наук. Выпускник Отделения структурной и прикладной лингвистики (1971).

Владимир Борисович Борщев — математик, доктор физико-математических наук.

Александр Петрович Василевич — лингвист, доктор филологических наук, профессор. Выпускник Отделения машинного перевода / прикладной лингвистики (1965; 1-й выпуск).

Никита Дмитриевна Введенская — математик, доктор физико-математических наук.

Елена Самуиловна Зильберквит (Гинзбург) — в описываемый период технический сотрудник отдела семиотики ВИНИТИ.

Александр Юльевич Даниэль — исследователь инакомыслия в СССР, сотрудник петербургского центра «Мемориал». Сын лингвистки и правозащитницы Л.И. Богораз и писателя Ю.М. Даниэля.

Анна Владимировна Дыбо — лингвист, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН. Выпускница Отделения

- структурной и прикладной лингвистики (1980). Дочь лингвистов В.А. Дыбо и В.Г. Чургановой.
- Александр Константинович Жолковский — лингвист, литературовед и писатель. Кандидат филологических наук, профессор университета Южной Калифорнии (Лос-Анджелес).
- Лидия Николаевна Иорданская — лингвист, кандидат филологических наук. Ученица и жена И.А. Мельчука.
- Татьяна Дмитриевна Корельская — математик, программист, специалист по компьютерной лингвистике.
- Григорий Ефимович Крейдлин — лингвист, доктор филологических наук, профессор. Выпускник Отделения структурной и прикладной лингвистики (1969).
- Максим Анисимович Кронгауз — лингвист, доктор филологических наук, профессор. Выпускник Отделения структурной и прикладной лингвистики (1980).
- Леонид Петрович Крысин — лингвист, доктор филологических наук, профессор.
- Нина Николаевна Леонтьева — лингвист, кандидат филологических наук, доктор технических наук, профессор.
- Елена Вячеславовна Микаэлян (Гецелевич) — лингвист. Выпускница Отделения структурной и прикладной лингвистики (1973).
- Игорь Александрович Мельчук — лингвист, кандидат филологических наук, профессор Монреальского университета (Канада), почетный профессор Института языкознания РАН.
- Елена Владимировна Муравенко — лингвист, кандидат филологических наук. Выпускница Отделения структурной и прикладной лингвистики (1976). Вдова А.Н. Журина.
- Елена Викторовна Падучева (26.09.1935–16.07.2019) — лингвист, доктор филологических наук, профессор.
- Барбара Холл Парти (англ. *Barbara Hall Partee*) — американская лингвистка, почетный профессор Массачусетского университета в Амхерсте (*UMass*).
- Николай Викторович Перцов — лингвист, литературовед, доктор филологических наук. Выпускник Отделения структурной и прикладной лингвистики (1968).

Мария Бурас. ЛИНГВИСТЫ, ПРИШЕДШИЕ С ХОЛОДА

Анна Константиновна Поливанова — лингвист, кандидат филологических наук. Выпускница Отделения структурной и прикладной лингвистики (1967).

Александра Александровна Раскина — лингвист, переводчик, автор мемуарной прозы. Выпускница Отделения структурной и прикладной лингвистики (1965; 1-й выпуск).

Елена Александровна Рыбина — археолог, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Елена Николаевна Саввина — лингвист, кандидат филологических наук. Выпускница Отделения структурной и прикладной лингвистики (1972).

Светлана Михайловна Толстая — лингвист, доктор филологических наук, профессор, академик РАН.

Борис Андреевич Успенский — филолог, лингвист, семиотик, историк языка и культуры, доктор филологических наук, профессор.

Виктор Константинович Финн — философ, математик, доктор технических наук, профессор.

Татьяна Владимировна Цивьян — филолог, доктор филологических наук, профессор.

Алексей Дмитриевич Шмелев — лингвист, доктор филологических наук, профессор. Выпускник Отделения структурной и прикладной лингвистики (1979). Сын лингвистов Д.Н. Шмелева и Т.В. Бульгиной.

Начало эпохи

Наука без идеологии

«Казалось, перед нами открылись бескрайние горизонты нормального существования»

Закончилась Вторая мировая война. Люди на ней не только убивали друг друга, но и искали продвинутые способы этому как помешать, так и поспособствовать. Эти поиски дали огромный толчок развитию многих научных направлений: в физике, математике, кибернетике и др. Среди прочего военные нужды стимулировали и развитие криптографии.

Молодой американский математик Клод Шеннон^{1*}, будущий создатель теории информации, для обеспечения секретности правительственной связи во время войны разрабатывал криптографические системы, которые использовались при переговорах Черчилля и Рузвельта.

Эти разработки произвели большое впечатление на его старшего коллегу, американского математика Уоррена Уивера². В 1947 году в письме к знаменитому Норберту Винеру³ он — впервые — высказал предположение о возможности перевода с одного языка на другой посредством ЭВМ — электронно-вычислительной машины. Впрочем, Винера это письмо не заинтересовало, высказанную в нем идею он не оценил. Но Уоррен Уивер не сдался. Через два года по-

* Примечания, обозначенные цифрами, находятся в конце книги.

следовал меморандум Уивера о целях и принципах машинного перевода, озаглавленный просто «Перевод», в котором он выдвинул четыре гипотезы: о значении контекста для снятия многозначности слов, о возможности взгляда на перевод как на проблему формальной логики, о целесообразности приложения методов криптографии к решению задачи перевода и о существовании лингвистических универсалий, лежащих в основе всех человеческих языков.

На этот раз идеи Уивера нашли отклик. В 1951 году работать над задачей создания машинного перевода начали в Массачусетском технологическом институте (Йегошуа Бар-Хиллел⁴) и в Джорджтаунском университете. Исследовательская группа Джорджтаунского университета получила поддержку компании *IBM*, и уже 7 января 1954 года в нью-йоркском офисе *IBM* прошла первая публичная демонстрация машинного перевода с русского на английский. «Девушка, которая не понимает ни слова на языке Советов, набрала русские сообщения на перфокартах. Машинный мозг сделал их английский перевод и выдал его на автоматический принтер с бешеной скоростью — две с половиной строки в секунду», — сообщалось в пресс-релизе компании *IBM*⁵.

Программа, лежавшая в основе этой первой демонстрации, — так называемого Джорджтаунского эксперимента, — была довольно ограниченной: она использовала словарь в двести пятьдесят слов и грамматику из шести синтаксических правил. Тогда еще не было ни клавиатур, ни мониторов, поэтому текст вводили на перфокартах, а перевод выдавался на печатающее устройство. Все присутствовавшие на демонстрации были чрезвычайно воодушевлены. Машинный перевод сочли перспективным направлением, и работы в этой области получили значительную финансовую поддержку.

— Перевели триста фраз! — рассказывает Игорь Александрович Мельчук. — И раззвонили об этом по всему

миру. Все, даже два главных изобретателя компьютера, Норберт Винер и фон Нейман⁶, утверждали, что это невозможно. Оказалось, что это даже не так и сложно.

Известие об успехе этого эксперимента дошло и до России: в октябрьском номере реферативного журнала ВИНТИ «Математика» за 1954 год появилась статья Д.Ю. Панова⁷ «Перевод с одного языка на другой при помощи машины: отчет о первом успешном испытании».

Надо сказать, что при Сталине — да и некоторое время после его смерти — некоторые науки в Советском Союзе не только не признавались таковыми, но и считались идеологически вредными лженауками (это отношение хорошо демонстрирует фраза «генетика — продажная девка империализма», ошибочно, хотя в некотором высшем смысле и верно, приписываемая Т.Д. Лысенко). Так, в Кратком философском словаре, вышедшем в том же 1954 году, когда состоялся Джорджтаунский эксперимент, словарная статья «кибернетика» выглядела следующим образом:

КИБЕРНЕТИКА (от др. греч. слова, означающего рулевой, управляющий) — реакционная лженаука, возникшая в США после второй мировой войны и получившая широкое распространение и в других капиталистических странах. <...> По существу своему кибернетика направлена против материалистической диалектики, современной научной физиологии, обоснованной И.П. Павловым, и марксистского, научного понимания законов общественной жизни. Эта механистическая метафизическая лженаука отлично уживается с идеализмом в философии, психологии, социологии. <...> Кибернетика ярко выражает одну из основных черт буржуазного мировоззрения — его бесчеловечность, стремление превратить трудящихся в придаток машины, в орудие производства и орудие войны. Вместе с тем для кибернетики характерна империалистиче-